

Вадим
Речкин

Вторая попытка

Отдел
краеведения
судебного
автора
17.04.2025

Вадим Речкин

Вторая попытка

Екатеринбург
2025

ББК 84(2=411.2)6-5

Р 46

Автор благодарит художника Александра Кухтерина и Г. П. Визгалова, кандидата исторических наук, Генерального директора НПО "Северная Археология-1" за предоставленную возможность использовать рисунки в качестве иллюстраций.

Редактор-составитель:

Татьяна Юргенсон

Речкин Вадим Дмитриевич

Р 46

Вторая попытка / В. Д. Речкин ; ред.-сост. Т. В. Юргенсон ; художник А. С. Кухтерин ; вступительная статья И. В. Кириллов. – Екатеринбург, 2025. – 96 с. : ил.

ISBN 978-5-7688-1209-6

Новая книга «Вторая попытка» В. Д. Речкина, поэта из п. Сингапай Нефтеюганского района Югры объединяет как ранние стихи, так и написанные недавно, и представляет основные тематические направления автора. Самобытный образный язык, романтическая профессия и честный взгляд помогают автору создать свой особый поэтический мир, притягательный и загадочный.

Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-7688-1209-6

(Южно-Уральское книжное издательство)

© В. Д. Речкин

© А. С. Кухтерин

© Г. П. Визгалов

О слове таежника...

Вот передо мной новая книга стихов югорского поэта Вадима Дмитриевича Речкина. Он из нашего поэтического поколения. Того самого, что формировалось на Тюменских поэтических семинарах в 70-е начале 80-х годов прошлого столетия. Тогда вышло знаменитое постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодёжью», и в городах и районных центрах Тюменской области был зафиксирован мощный всплеск поэтической энергии.

Но, если её носители в основной своей массе были из числа покорителей бескрайних просторов Приобского Севера и Ямала, то Вадим Речкин был скорее из числа хранителей ранимой северной природы. И это качество стало основой его поэтического творчества.

Да это и не удивительно, ведь по своему происхождению он представитель коренного малочисленного народа – манси. Родился и вырос в семье северной интеллигенции. Мама преподавала в школе русский язык и литературу и сумела привить сыну огромную любовь к великой русской и советской поэзии, к великой русской, советской культуре.

А родная природа напитывала Вадима Речкина живительными таёжными сказаниями и легендами родного народа, родного края. И всё это стало ещё одним краеугольным камнем его творчества.

Полвека назад, как я уже упоминал, проходило много поэтических семинаров. Молодые литераторы представляли на суд маститых тюменских и московских писателей свои поэтические произведения. Зачастую суд оказывался излишне суровым. Так произошло и с творчеством Вадима.

Некий авторитетный судья швырнул его рукопись на стол во время семинарского занятия и громко стал вопрошать:

– Где тут стихи? Ну, где тут стихи, – я вас спрашиваю.

После такой оценки Вадим решил уничтожить всё ранее написанное и больше не возвращаться к поэтическому творчеству. Так продолжалось долгих сорок лет.

Но если «поэтическое тело» было уничтожено, то «поэтическая душа» Вадима Речкина продолжала жить, но уже в другом измерении. Жить с надеждой на возрождение. Жить, несмотря ни на что: ни на внутренние само запреты, ни на глубокую внутреннюю обиду, ни на прочие жизненные обстоятельства. И что самое удивительное – душа выжила и возродилась. Поэтическую натуру нельзя изжить. Она будет существовать и порождать всё новые и новые поэтические строки. И автор их будет записывать и собирать в новые подборки и книги. Так случилось и на этот раз.

Мы с Вадимом Дмитриевичем познакомились вначале заочно. К юбилею Нефтеюганского района был выпущен коллективный поэтический сборник, в котором были опубликованы мои стихи и стихи Вадима Речкина. Оказалось, что мы оба с ним живём в сельском поселении Сингапай, оба пишем стихи и публикуем их под обложкой одного коллективного сборника.

Для меня это была встреча с добрым старым другом, которого не видел много лет. Близкие мне по духу, поэтической эстетике стихотворные строки я нашёл здесь в подборке Вадима. Родные для меня поэтические образы,

прекрасные метафоры и яркие тропы – всё это было здесь. Я понял, что мы с ним из одного поэтического поколения. Своим нынешним творчеством Вадим Речкин как бы возвращался из небытия и претендовал на своё законное место в нашем поэтическом строю.

Но прошли годы. Мы выросли и многие из нашего поколения творцов поэтического слова поднялись до определённых вершин. Стали лауреатами премий, членами Союзов писателей. И Вадим Речкин судя по его творческому потенциалу безусловно заслуживает всех этих знаков отличия. Но нужна книга, ещё одна. Та, которую вы, читатель, держите в своих руках.

О чём она? Да/как всегда о нашей жизни, о наших взаимоотношениях с родной природой. О нашей ответственности перед грядущими поколениями. Перед братьями нашими меньшими. О Родине, о большой и малой.

Кстати, о братьях наших меньших. Целая глава книги посвящена собакам – западно-сибирским лайкам. И неспроста. Вадим Дмитриевич Речкин эксперт кинолога Всероссийской категории по лайкам. К сожалению, пока единственный в ХМАО и ЯНАО. Специалист экстра- класса. В качестве эксперта и главного судьи он принимает участие в специальных соревнованиях. У него самого четыре лайки. С ними он промышляет лося, медведя, гоняет соболей. И всё это нашло отражение в его новом поэтическом сборнике. Избушка охотника, звериный след, едва заметная таёжная тропинка. Этими образами наполнена его книга.

Читателю открывается новый, порой недоступный для него мир, законы которого, писанные и неписанные, понятны и доступны только представителям коренных малочисленных народов Севера... Но это всё мало просто знать. Нужно умело и доходчиво рассказать обо всём своим

читателям. Несмотря на то, что освоение Среднего Приобья продолжается вот уже ни один десяток лет, многие из нас здесь живущих так и не поняли до конца всей сложности и многогранности того мира, который существует параллельно той индустриальной урбанизации, что царит в городах, которые выросли на большой сибирской нефти.

И Вадиму Речкину удаётся рассказать об этом. Причём это взгляд не человека со стороны, а того, кто всецело, по самой своей природе погружён в глобальные процессы, порождённые великими переменами происходящими в Сибирской крае.

Игорь Кириллов,
член Союза российских писателей
Заслуженный деятель культуры
ХМАО – Югры.

Глава первая:

ТОЛЬКО ЖИВО ВСЕ ВО МНЕ...

КАК ПРИХОДЯТ СТИХИ

Стихи не любят толкотни,
Однообразия,
Приходят к авторам они
Всегда по-разному.
Среди стандартов и лекал,
Среди шаблонов
Никто ещё не написал
Для них законов.

Ко мне приходят не спеша,
Шуршат пластинкой.
И зябнет робкая душа
Под строчкой-финкой.
Располосована легко,
Небрежным словом...
А то лежат слепым щенком
И бестолковым,
Едва родившимся, с пушком
Нелепым, странным...

То лизут влажным языком
По свежим ранам.
То по щекам наотмашь бьют,
То рвут набатом.
То из ручья прохладу пьют
Лесным закатом.

Приходят днём и по ночам
Во сне и яви.
Когда хотят,
Но приручать
Я их не вправе.
Пускай же дикие дрожат
И воют волком.
Прирученных зверей держать?
В том мало толку!
На цепь, в загон не посажу
Строку дикарку.
Поэтому
И не хожу по зоопаркам.

Стихи во мне. Пока молчат.
Их цвет и запах...
Наверно, они просто спят
На мощных лапах!
Что будет вскоре им толчком?
Щелчок курка?
Когда заплачет, запоёт
Моя строка?

ТРОТУАР ХАНТЫ-МАНСИЙСКА

Он дождями вымыт чисто,
И ещё скрипел немножко
Тротуар Ханты-Мансийска –
Детства тёплая дорожка.
Мне мечталось, мне казалось –
Будет детство вечно длиться.
Деревянным тротуаром
Будет под ноги стелиться.
Деревянная дорожка,
Рукотворная тропинка
Поддержи меня немножко
На своей шершавой спинке.
Дай хоть шаг шагнуть упруго,
Чтобы доски отвечали.
Я устал, я сбился с круга,
Я хочу начать сначала.
Чтобы в царстве деревянном –
Не в хоромах, а в домишке
Быть весёлым, а не пьяным,
Лёгким на ногу мальчишкой.
Тротуары чтобы пели
То ли скрипкой, то ли альтом
И вели к заветной цели...
Жаль! Давно все под асфальтом.
Всё закатано бетоном
Монолитным, серым, грузным...
Возвращенье невозможно.
Всё невесело и грустно,
Всё обыденно и сложно.

Но ночами часто снится
Детства тёплая дорожка –
Тротуар Ханты-Мансийска.

ДЕДУШКА

На реке, на Конде
Берега крутые.
На реке третий день
Нудный дождь всё льет.
Мы с моим дедушкой
Ждём с утра «Россию»,
Мы с моим дедушкой
Встретим теплоход.
Дед придумал игру –
«Теплоход встречаем».
Мы стоим на яру
Под одним плащом,
Ожидаем вдвоём,
Вовсе не скучаем,
Под дождём, на ветру
Всё нам нипочём.
Под полу залезал
Ветер наглой лапой,
Дождь стучал по спине
Сотней мокрых лап.
Пароходный матрос
Бился долго с трапом,
И на берег прилёг
Непокорный трап.

Теплоход постоял,
Попыхтел немножко
И поплыл без гудка –
Видимо немой.
В руку деду легла
Детская ладошка
И пошли не спеша
С берега домой.
По тропинке идём
Осторожно, бережно.
Ну а дома уют,
Счастье и покой.
Молока нам нальют
И отрежут хлебушка,
А в окошко видны
Сосны над рекой...
А Конда всё течёт,
Также пухом вербочки,
А дожди также льют,
Также с неба свет.
Жизнь идёт чередом,
Только деда-дедушки
На Конде, на реке
И со мною нет.

ХРОМОСОМА

Ночью маетной, бессонной,
Из далёких детских лет.
Неуклюжий, невесомый,
Весь ходулистый, рессорный
Сашка Длинный – Хромосома
Посылает мне привет.
Он был другом, он был гидом
В лето, пахшее карбидом,
Щурогайками, костром,
В лето, пахнувшее ДЭТой,
Как забыть его при этом? –
С кровожадным комаром.
Лето, с первою морошкой,
Запечённою картошкой,
Земляникою лесной.
Лето, в явь, не понарошку,
Со зловредной серой мошкой,
С самодельною блесной.
Наши первые любви,
Драки, лишь до первой крови,
Запах первых папирос,
Стройки, улицы, подвалы
Что уж только не бывало!
Не забудет кто так рос.
Обожжённые карбидом
Сквозь победы и обиды
Мы дорогой детства шли.
Даже суток было мало,
Играм места не хватало
На поверхности Земли.

Размывает время лица,
Что пенять тут или злиться?
Но из той далёкой мглы
Хромосома ко мне мчится
Жду, когда оно случится,
А виски уже белы!..

ЭТО НЕ САДИСТ С УТРА ГЛУМИТСЯ...

Это не садист с утра глумится,
Не пацан пришёл озоровать –
Я зову проснуться и умыться,
И заправить за собой кровать.

Полотенце чистое – на шею,
На Восток с надеждой посмотри.
В мире нет прекрасней и свежее,
Чем дыханье утренней зари.

Новый день! Как чист он и прекрасен!
Закрутилась жизни карусель.
Значит – ты проснулся не напрасно.
Значит – есть движение и цель.

Так вперед! Отбросив прочь сомнения.
Всё. Проснулся, потянулся власть.
За спиной осталось воскресенье.
Жизнь с утра по новой началась.

НОВОГОДНЯЯ ПОЕЗДКА

Папа краток был и резок:
– Я по поводу поездок –
Всё, решили, завтра едем!
Пса на цепь. Ключи соседям.
Пса покормят, печь подтопят.
Был уже семейный опыт.
Не на месяц, в самом деле!
А всего-то на неделю.
Что застыли? Что за страх?
Едем завтра же в Пырь-Ях.
Ну и что, раз холода.
Не замерзнем, не беда.
Припечатал резко, веско:
– Новогодняя поездка!
Не сидеть же возле печек.
Впечатленьё обеспечим.
Хватит ныть!
Довольно спать!
Собираем вещи, мать...

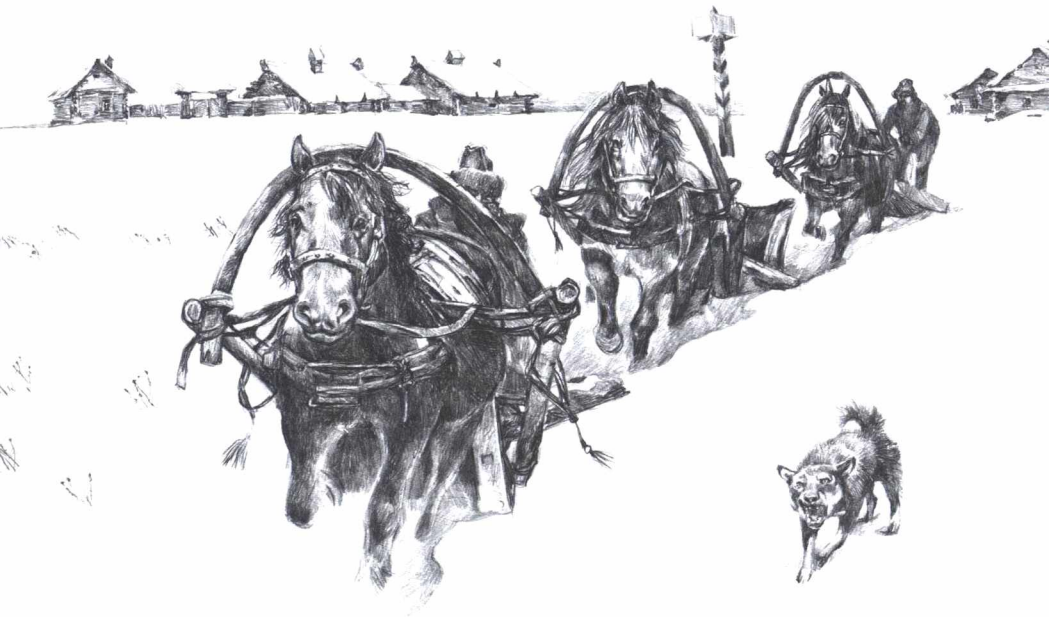
Сладко спать морозным утром.
От печи тепло волнами.
Кто шумит? Пожар как будто?
Иль во сне всё это с нами?
– Нет, сынки, совсем не сон.
К нам во двор примчали кони,
Тёплый хлеб берут с ладони
И уже хрустят овсом...

Что за диво рано встать
И собраться быстро спозаранку?
Хлеба с маслом, чай с баранкой,
И друзей попутно отыскать.
На душе тревожно.
Мысли спутаны.
Бабушки ворчанье.
Тихий спор.
– Ну не стойте, раз одеты и укутаны,
Выходите на мороз, во двор.
– Вот ещё тулуп.
И кони поданы.
Лезь на сани.
Не робей.
Будешь, паря, барин, а не подданный,
Не полузастывший воробей.
Папа, собираясь, шутит:
– Мы не поздно ли!
Не было кошёвки, дали розвальни,
Но зато на сене, развалясь,
Натрясёмся на дороге досыта,
Всласть!
– Ну-ка, пацаны,
Давай, до поймы
Довезу.
Садись малой!
Плотно сядем, как в обойме.
Ну а после сразу же домой...

Эх дорога!
Скрип полозьев резкий,

Вторая попытка

Запах сена, вожжи у лица.
Начиналась новогодняя поездка.
Терпеливо ждём её конца.
Всё с годами помнится урывками –
Стук саней
Сквозь топот от копыт.
А над этим скрипом, храпом, рыканьем –
Стынь!
Даль морозная, туманная и вязкая.
Звуки глухо, как сквозь пелену.
Дикий холод над Сибирью –
Не до сказок ей
У мороза жуткого в плену.
А за всей, за этой белой стынью,
Средь безбрежной поймы и тайги
Виделась бескрайняя Россия,
В полушалке белом из пурги.
И среди неумолимой шири,
По дороге зимника влеком,
Видел я себя в Сибири
Ловким и толковым ямщиком.
Проезжая по могучим рекам,
Глядя вдаль, вперёд из-под руки,
Чувствовал себя я человеком –
Властелином поля и реки.
Пусть крупинкой силы, малой частью.
Но тогда я остро ощущал,
Радость жизни, просто счастье
И от счастья радостно кричал.
Понимал, что я ещё в начале.
Дай-то Бог, мой долгим будет путь.
Сани будто в зыбке укачали.

Что там папа с мамой запрещали?
Не уснуть бы, не уснуть бы, не уснуть...

Сумерки уже.
Мельканье крупа,
Ровный топот, скрип саней,
Кислый дух овчинного тулупа...
Слава богу! Зимник стал ровней.
Холод по лицу волнами ходит,
Будто гладит, пробует на вкус.
Хорошо, что под дугою колокольчик –
Хоть на звон немного отвлекусь...

Тпру залётные!
Нет, ну, не чудо ли!
Сани встали, перестав трясти.
Жёлтым огоньком светились Чучели –
Середина долгого пути.
Путь нелёгкий, санный,
Весь завьюженный.
Нужно обопнуться, отдых дать коням.
Мы стоим с братишкой
Неуклюжие.
Здравствуй сказка! –
Чучелинский ям.
Брёвна толстые,
Их разом не обхватишь,
Лавки все из колотой доски.
Вот где отдыхают великаны –
Родом из быliny – ямщики.
Внове всё нам, городским мальчишкам,
Бегаем по многу раз к саням.

Вадим РЕЧКИН

Вот теперь узнали не по книжкам –
Санний путь и Чучели, и ям.
Тусклый свет едва горячей лампы.
Двое любопытных малышей, –
Всё, казалось выйдут, как атланты,
Ямщики
И выгонят взащей.
Дальше ехать не хотелось совершенно,
Растрясло и кругом голова.
Вот и печка бы гудела, не шипела.
Где же взять смолистые дрова?
Отогрелись. Осмотрелись – интересно!
Засиделись, кажется, слегка.
Это лишь в кино быстрее песни
Пролетит маршрут у ямщика.
Собрались.
Опять мороз не ласков.
Тёмен лес по зимнему пути.
За спиною Чучели и сказка.
Если что не так, ты нас прости!..

Дальше ехал, замерев от страха,
Всё боялся выпасть и уснуть.
Ночь-полночь по улицам Пырь-Яха
Наши сани продолжали путь.
Разлинован он по кальке белой –
Ровными рядами фонари.
Прибыли. Сидим осоловело,
Как в мороз на ветках снегири.
Ну, а завтра мы катались с горки,
И домой ввалились все в снегу.
Лез замёрзший к папе на закорки.

Как забыть?
Конечно, не смогу.
Пусть морозы ярость опустили
Всё равно я отморозил нос...

А обратно по сибирской стыни
Нас почтовый транспорт перевёз.
Современный ход –
Аэросанный!
Резкий запах, тряска, маета,
Куропаток взлёты и мельканье...
Больше я не помню ни черта!
Как отрезало.
Лишь головокруженье,
Рёв мотора, круг из лопастей,
Лыжи металлической скольженье –
Неприятный дух у скоростей!
Шли не спешно, головы поникли
По дороге стылой ЦРМ.
До свиданья,
Праздник из каникул!
Здравствуй,
Школы долгожданный плен!

Много позже.
Мой товарищ взрослый
Опустил поэзию на дно:
– Я там был.
Нет сказки. Очень просто –
Скука, запустение, вино.
Вот от пьянки всё и загорело.
Жизнь прошла бульдозером круша...

Только живо всё во мне.
Не отболело!
Вспоминает Чучели душа.
И Пырь-Ях ко мне был очень ласков,
Столько впечатлений, новостей,
Там – реальность, Чучели – как сказка,
Новогодняя поездка для детей.

СПОРЩИКИ

Мы с напарником снова спорим.
Обсуждаем опять вопросы.
Беспокоимся. Тараторим.
Он кивает мне тонким носом.
Мои доводы суть ничтожны.
Он, конечно же, в споре правый.
Я вздыхаю, молчу, строю рожи,
Превращаю в пустяк, в забаву.
Я пытаюсь уйти от ссоры.
А с шута какой тут взяток!?
Спорим долго. Погрязли в споре.
Оппоненту восьмой десяток.
Мы приводим доводы ярко,
Мы очерчиваем параллели,
Мы грубим сгоряча, в запарке,
Мы молчим на своих постелях.
Нам до истины нету дела.
Каждый прав с головы до пяток...
Вон звезда пропала, сгорела.
Не до этого. Не до пряток.

Пусть наш спор, как пустяк ничтожен
И давно уже ходит по кругу,
Мы без спора совсем не можем.
И не можем мы друг без друга.

ПРАЗДНИЧНОЕ

Эх, вы! Славные сыны России!
Что искали вы и что нашли?
Ваши нивы заросли ковылью
И берёзы в храмах проросли.
Нету за окном отцовских пашен.
А в рабочей спешке невдомёк –
На Россию, братцы, всё же пашем
Или на буржуйский кошелёк?
Слепит блеск игрушечных медалей.
В бубны бьёт сластоголосцев рать,
Заглушить пытаясь звон кандалный,
Обречённых на чужбине умирать.
Те, что ищут и искали волю,
Руша всё живое на пути.
Где же ваша Родина?
Где поле?
Эх вы поле, вы перекаати!
Кутаясь в тепло турецкой шубы,
Позабывши запахи полей,
Чёрной паутиной тянут трубы
По угорской матушке моей.
А потом, спустившись в нашу брэнность,

Не забивши в жизни ни гвоздя,
Поучают:
– Это современность!
Наставляют:
– Так вам жить нельзя!
И кому? Славянам или руссам,
Пьяной силой взятые внаём,
За бирюльки, медяки, за бусы
Землю наших предков продаем?
Слышу сквозь усмешечки кривые,
Хохоточком в праздничной толпе:
– Дали вам же... эти... родовые.
Вот и ешьте ваше ТТПе.
Только что-то наши родовые
Шируются крестами каждый год.
Много надо нефти для России,
Не мешайся тут лесной народ.
Тонут, словно зайцы в половодье,
Захлебнувшись в горестном вине.
Позабудьте о лесном народе.
Он не нужен праздничной стране!
Позабудьте о глухих урманах
И о речках, всё ещё живых,
Где не бьют проклятые фонтаны,
Где ни нефти нет, ни буровых.
Может быть, в далёком том урмане,
Пусть не завтра и не через год,
На ноги упрямо, твёрдо встанет,
Выживет и оживёт народ.
Есть ли место в сих глухих просторах,
Не бывало где чужой ноги?

Вадим РЕЧКИН

О Великий Торум!
Добрый Торум!
Моему народу помощи!

Глава вторая:

ЗАВТРА – НОВЫЕ ДОРОГИ
И ИНЫЕ ПИСЬМЕНА...

ДОРОЖНАЯ

Уныло всё вторые сутки
То мокрый снег, то дождик каплет.
Здесь в каждой луже сидит по утке,
А рядом, стражем, стоит по цапле.
Холодный ветер в оконной щели
Уныло воев в тоске по ласке.
Намокла шуба у старой ели,
А с ней осина в рогатой каске.
Знать бы и цель определённо,
Зачем по миру опять мотает?
На чёрных сучьях сидит ворона
И за удачей не улетает.
Ритмично поезд стучит по рельсам
Всё убеждает, быть может статься:
– Нас ждёт удача, точнее прицелься,
Она как утка должна достаться...
Пускай унылы природы сопли,
А мы по миру с удачей двинем.
Оставим сзади все вражьи вопли,
Мы их забудем, мы их покинем.
Пускай всё сыро вторые сутки,
Пускай по стеклам большие капли,
Оттянут плечи шальные утки,

Осиротеют, наверно, цапли.
В календаре? Там просто числа.
Не верьте слухам, дурным соседям
И не ищите среди строчек смысла.
Мы просто едем. Да-да мы едем.

НЕИЗМЕННЫЕ ПРИВЫЧКИ

Неизменные привычки –
В целлофане соль и спички,
Приторочен, в рукавичку
Упакованный топор.
Лыжи. Шапка. Термос с чаем.
– Буду завтра. Не скучаем.
Торопливый разговор.

Утро. Снег. Слегка морозно.
Вот собака несерьёзна,
Но искать другую поздно,
Да и в общем не резон.
В связке новые капканы.
В небе тучек караваны.
Значит, начался сезон.

Путик. Лай. Капкан. Привада.
Выстрел. Соболь как награда.
Первый этою зимой.
Ежедневная работа
До предела, до икоты.
Компас. Долгий путь домой.

Неизменные привычки.
Огонёк дрожащей спички,
И от печки первый жар.
Чай. Патроны. Нож. Капканы.
Неизвестные урманы.
На лице лесной загар.

Сухари важней салями.
Груз – котомка с соболями.
Жизни вновь закручен круг.
Ежедневные заботы.
Дети. Тесть. Жена. Работа.
Ты охотник? Значит друг!

Что мы значим без привычек?
Как лесной костёр без спичек,
И без сборов суета.
Если ценно в мире что-то,
Без ружья и без охоты
Это будет пустота!

ВОРЧУ

Не горится что-то бересте,
И дымят дрова, не занимаясь.
Да и сам давно без чая маюсь.
И изба, и печка уж не те...

Звёзды в небе светят, как попало.
Это звёзды!? Разве это светят!?

Вновь пустые оказались сети.
Ничего в них за ночь не попало.

Обманули звери, обошли ловушки,
Не сдержав злорадства и ухмылок.
Не горят дрова. Темно в избушке.
А луна – зачуханный обмылок.

И собаки! Жрут напрасно кашу.
Разве лося не могли найти поближе?
В мокрый снег, да что там – в простоквашу
Не катили старенькие лыжи.

Им в музее бы стоять, в почёте...
И медведь, как видно, «сделал ноги»,
Обожравшись клюквой на болоте.
Отыщи его теперь в берлоге.

Что там мышь грызёт всю ночь, зараза!?
И воды в ведре осталось малость...
Одиноко мысль прокралась сразу:
– Может выпить? Что я с ними маюсь?

И пошли они тогда цепочкой –
Сети, снасти, береста с дровами,
Лоси, белки, рыба вместе с бочкой
(Говоря цензурными словами).
Все идите!
Выпью лучше водки.
Успокоюсь. Перестану злиться.
Отойдут на задний план заботы,
Да и печка сразу разгорится.

Закурю я после первой стопки.
В животе тепло, как при камине...
Только нет в избе, однако, водки,
А курить здесь нету и в помине.

Славно нынче что-то помечталось!
Разогрею скоро стылый ужин.
Вот и береста уже занялась.
Ничего! Живём! Живём не тужим!

Так маленько что-то поворочалось...

ИЗБУШКА

У меня в угодьях строены ловушки.
А за дверью темень – ворона крыло.
Спят давно устало лайки-остроушки.
У меня в избушке тихо и тепло.

Холодно и дико сотни вёрст в округе.
Зверем воет ветер. След мой замело.
Одиноко в мире, ни жены, ни друга,
Отчего ж на сердце ясно и светло?!

Всё пройдёт – обида, ревность и досада.
В одинокой жизни я не стану злей.
Ты же понимаешь, милая – так надо,
Чем длинней разлука, – встреча веселей.

День настанет дивный, тихий и морозный.
Я шагну с порога:
– Здравствуй! Вот и я!
Тяжела разлука, и длинна дорога.
Ты же ждёшь и веришь, милая моя!?

Ровный свет от лампы в старенькой избушке,
До глубокой ночи спать не стану я,
Месяц одинокий дремлет на опушке,
Будет!
Спи спокойно, милая моя!

МЕЧТЫ

Весной излажу обласок
И брошу на речной песок.
Костёр у речки распалю
И хорошенько просмолю.
Стешу кедровое весло,
Чтоб лодку побыстрее несло.
И с молодым веслом в руке
Вниз поплыву я по реке.
Встречайте новые края!
Всю реку вниз узнаю я...

А где-то к осени поближе
Излажу новенькие лыжи –
Бесшумный ход и лёгкий нрав
Излажу точно. Буду прав.
И, как-нибудь после работы

Пойду на зимнюю охоту.
И из простого мужика
Я превращусь в промысловика...

Всего-то насадил топор,
А мысли бродят до сих пор.

ЕСЛИ МНЕ НУЖНА ВОДА

Если мне нужна вода?
Где же взять её тогда?
Кто в тайге водопровод
До избушки проведёт?
Речка вся покрыта льдом –
Воду можно взять с трудом.
Есть хорошая пешня
Возле речки у меня.
Ловко ею лёд долбить
Чтобы прорубь прорубить.
Продолбил к воде, потом
Лёд вычерпывать сачком.
Эх, крутые берега!
Тот сачок зовут зюзьга.
Всё. Мне по воду пора.
Взял я в руки два ведра,
И со мной пойдёт шенок,
Чтоб крутиться возле ног.
Вот от самого крылечка
Мы подходим прямо к речке.
Прорубь чёрная парит –

Будто бы вода горит.
Зачерпнули два ведра
И домой нести пора.
А щенку пошла потеха!
Он с горы по снегу съехал
В одиночку, налегке,
То носился по реке
И играл с кусочком льда –
Лёд вкуснее, чем вода.
Эй, Дружок! Пошли со мной,
Воду отнесём домой...
Раз за разом со щенком
Мы наносим воду в дом.
Бочка полная воды –
Точно хватит до среды.
Не транжирить, а беречь.
Хватит. Всем. Об этом речь.
Хватит, чтобы умыться,
Пить чаёк на дню раз двадцать,
В чистоте держать посуду
И полы помыть повсюду.
Вот важна как нам вода –
Чистота, чаёк, еда!
Вот и черпаем, и носим,
Носим летом, носим в осень,
И в холодную погоду
Тоже носим с речки воду.
В зимний холод, летний зной
Нам нужна вода домой...

А щенок куда пропал?
Под скамейкой тихо спал.

Притомился за день что-то,
За водой ходить – работа.
Беготня по холодку
Утомительна щенку.

ТАЁЖНЫЕ ТАНЦЫ

Или спор со скептиком.

– Эта глава останется
Гирею на ноге –
Всё же какие танцы
Видели вы в тайге?
Мнение ваше бесценно,
Образ, конечно, красив.
Но, где же для танцев сцена?
Слышали, где мотив?
Там, где живёт в одиночестве
В тесном зимовье аскет,
Там танцевать не хочется,
Да и мелодий нет.
– Что ж, оппонент вы талантливы.
Скептики, вы правы.
Мало на промысле танцев.
Мало мелодий. Увы!
Но как смешон и печален
Всех ваших мыслей ход.
Что ж вы не замечаете!?
Белых снежинок полёт,
Их невесомые пачки,
Лёгких пуантов след –

Вьюга – это не танцы?
А снегопад не балет?
Рыжею шкурой лисьей
В танец вовлечены,
Кружатся жёлтые листья
В вальсе осенней страны...
Модницам на усладу
В стылый мороз или снег
Со снегоходом ламбаду
Пляшет в тайге человек.
Самозабвенно и мощно,
Новые па, пируэт...
Рациональней и проще
В мире танцоров нет.
Это слились воедино
Техника и душа,
Вновь человек и машина
Двигутся, в такт дыша.
Этакие коленца
Вытворят. Только держись!
Белыми хлопьями пенится
Танец, длиною в жизнь.
Покур, Салым или Лямин –
Съезди в любые концы.
Танцы за соболями
Схожи как близнецы.
И до темна, до упаду,
В оттепель или пургу
Люди танцуют ламбаду
На белоснежном снегу.
Выберут модницы что-то
В стильном пушном бутике...

Славное дело охота –
Танцы на холодке!

СКЛЕРОЗ

Я ищу бензопилу.
Здесь должна стоять
В углу.
Осмотрел я все углы
Не нашёл бензопилы.
Потерял попыткам счёт.
Что за диво!?
Что за чёрт!?
Не нашлась бензопила.
Но была она,
Была!
Нет же в маленькой избушке
Вовсе пятого угла.
Начинает это злить.
Чем дрова теперь пилить?
Ни двуручки, ни лучка
Не завёл себе пока.
А без топлива, без дров –
Холодильник, а не кров.
Вышел покурить за двери
И глазам своим не верю.
Вот нашлась бензопила
И наладились дела.
Я весёлый! Я не злой!
Я пилю бензопилой!

Стружки жёлтым ручейком...

– О склерозе? О каком?

ЧЕМ ПАХНУТ В ТАЙГЕ

(подражание Дж. Родари)

В дикой тайге одиноким мужчинам
Трудно быть стильным и пахнуть красиво.
Пусть обыватель, читая, не верит,
Но пахнешь в тайге не шампунем, а зверем.
Да, в основном, как такое ни странно,
Дымом пропах, снегоходом «Бураном»,
Также привадой, прокисшей в избе –
Точно, духами не пахнуть тебе!
Долгой дорогой и вечером зимним,
Пахнешь и кровью, и, малость, бензином,
Жиром медвежьим, ну то – иногда,
Рыбой протухшей – пустяк, ерунда.
А в основном, постоянно и сильно
Пахнешь,
Воняешь,
Смердишь прямо псиной.
Будь то рыбалка или охота –
Это собачья, ребята, работа.
И, независимо от удачи,
Пашешь
И пахнешь, как пёс
По собачьи!

ВОЛШЕБСТВО

За ночь боги или маги
Расстелили лист бумаги,
А она белым-бела.
И рисуют звери строчки,
Двоеточия и точки –
Вот такая каббала!
Не понятно –
Кто тут бегал,
Кто охотился, обедал?
Вот поди-ка, разберись!
Там не чётко, тут невнятно
И, с наскока, непонятно
Где здесь лось,
А где же рысь.
Сверху смотрят на шифровки
Сойки, рябчики, кедровки
Словом – весь пернатый люд.
А того, кто всё читает,
Буд-то книжицу листает –
Все охотником зовут.
Ошибиться не рискую,
Но профессию такую
Уважают меж людей.
Раз сумел прочесть все строчки,
Скидки, сбежки, лёжки, точки –
Явно маг иль чародей.
Вместе с ним читают знаки
Остроухие собаки,
Те читают всё подряд.
Разберутся – сразу лают,

Всё, буквально, понимают,
Только что не говорят.
Чудный вечер, путь обратный
Пусть тяжёлый, но приятный,
Все спешат пройти его.
Снег. Тайга. Охота. Звери,
Все находки и потери –
Это чудо!
Волшебство!
И пускай устали ноги,
Завтра – новые дороги
И иные письмена.
Пусть мороз совсем не ласков,
Но на всю на эту сказку
Льёт волшебный свет луна.

ОСЕНЬ

Осень! Холодным дождём небо плачет,
В город роняя печаль и тоску.
Зная приметы, я загадал на удачу
И постучал суеверно по косяку.
Пусть обыватель мне бросит – Бродяга!
Неугомонный, неймётся, опять за своё.
Только стоит у порога поняга
И воронёное смазано маслом ружьё.
Прочь от завистливых глупых всезнаек,
От суеты пустословья и мелких обид.
Пара друзей – пара преданных лаек
От предвкушенья охоты дрожит.

Припев:

Как только снег обнажённую землю укроет
И молодая зима обоснуется в этих краях.
Я тропливо зимовье дострою.
Вместе с рассветом уйду посеять на Савь-Ях.

Ловко сидит за плечами поняга
И воронёная хищная тяжесть ружья.
Строчки следов на таёжной бумаге,
С авторским росчерком в русле ручья.
И на одной из таёжных опушек
Полною грудью я воздух морозный вдохну,
Пара азартных лихих остроушек
Лаем в клочки разорвёт тишину.
Будет борьба у заросшего южного склона.
Вольного зверя они отвлекут, закружат.
Меткий прицел и заряд пулевого патрона,
И, напоследок, простор для работы ножа.

Припев.

Осень! На юг стаи птиц полетели.
Грусть и тоска для романтиков, птицам – судьба.
Новый сезон начинается, новые цели
В этой дороге, где нет верстового столба.
Будут морозы, нодья под луной и метели,
Радость добычи и новый поход по следам.
Эту судьбу и избу у разлапистой ели
Не променяю на тихий уют, не предам.

Припев.

Глава третья:

В ПАРАЛЛЕЛЬНОСТИ
ЛИНИЙ И УЛИЦ...

УТРО

Доброе утро!
Хочу вам сказать.
Ну и погодка.
Надо вставать.
Чтоб не случилось
На вашем пути
Главное – встать,
Очень важно идти.
Плохо,
Коль утро встречаете лёжа
Словно боярыня или вельможа.
Вижу счастливые, бодрые лица.
Счастье – работать
И шевелиться!
Счастье трудиться
И лёжа, и стоя.
Лень лежебоки –
Занятие пустое.
Так что вставайте!
Вам утром скажу.
Все за работу!
А я полежу.

ЛЕТО

Как смещены у нас границы!
В раю Кубани, как на сковородке.
Плюс сорок – жарко, чтобы веселиться,
Тем более чтоб выпить водки.
Лишь вечером там рай, согласен.
Слегка прохладно, весьма красиво,
А скромный ужин немного скрасит
Бокал вина иль кружка пива.
Но север точно всегда стабилен.
Мы здесь в бирюльки и не играем –
В жаре не плавим своих извилин,
Мы в плюс пятнадцать уже сгораем.
А летом север – ветра и грозы.
И мы на дачах не лежебоки –
Лелеем нежно морковь, как розы.
И средь мошки мы не одиноки.
Наш взор туманят Обские виды,
А белой ночью видна дорожка.
Вы не держите на нас обиду.
Вот-вот поспеет уже морошка,
Богато нынче черника зреет,
А все дары лежат, как в блюде...
Да! Всё же славно, что солнце греет
И превосходно, что рады люди.

ГЕОМЕТРИЯ

На шершавой шкуре земли
Мы с тобою бок о бок росли.

Жили-были с разными целями
Одинокими параллелями.

Среди шумной шеренги улиц
Мы не встретились, не столкнулись.

Лишь шарахались мы от шаткости
Не способные даже на шалости.

Свято верили в эти ценности,
В геометрию параллельности.

Ночью плакали, подушки комкая,
Незнакомцы с незнакомками.

Рано съёжились и ссутулились
В параллельности линий и улиц.

Впрочем, поздно судить и каяться –
Параллельности не пересекаются.

День за днём мы плывём по течению,
Удаляясь от пересечения.

Всё незыблемо. Всё безветренно.
Будь ты проклята,
Геометрия!

КОЛЛЕГЕ

Художник и поэт.
Точнее – поэтесса.
Из глаз струится свет,
Изящна как принцесса.
К чему не прикоснись
Всё ярко, сочно, вкусно.
И прожитая жизнь –
Как образец искусства.
К принцессе той в пажи
И прикипеть, как сварка.
И будешь так же жить
Толково, умно, ярко.
Всё верно, а пока
Стесняясь и сутулясь,
Смотрю издалека.
Со стороны люблюсь.

ОДНОКЛАССНИЦАМ

Я рад, что встретил вас,
Хоть жили мы не очень дружно
И редок был без споров час,
Но в жизни спорить тоже нужно.
Я рад, что встретил вас

Я рад, что встретил вас,
Ведь вы открыли мне свой мир огромный,
Неброский, привлекательный и скромный,

Не режущий кокетством глаз.
Я рад, что встретил вас!

Сказать по правде, без прикрас,
Не ошибаясь в словесной массе,
Вы были честь и совесть в классе,
Пример, достойнейший для нас
И счастлив я, что встретил вас!

ПРИХОДИТ ГОСТЬ...

Приходит гость, как водится, в субботу
С недорогим, но вкусным коньяком.
В пакете сыр, нарезка, шпроты
И пиво с подкопчённым балыком.
Хозяйка ждёт. Хозяйка очень рада,
На гостя смотрит тихо и тепло
И пуговку фривольного наряда
Разгорячённой грудью унесло.
Свой ближе, свой роднее, лучше,
Колючий, и пропахший табаком.
А этот нудными беседами замучил,
Недорогим, но вкусным коньяком.
Всё что-то ноет. Денег ему мало,
Замучили работа и дела,
Не так присела, неудобно встала
И не по-современному дала.
По виду не орёл, но всё ж мужчина
Довольно стройный, хоть и не атлет.
Но есть одна весома причина –

Другого просто рядом нет.
Да ладно! Он бывает редко,
Когда сезон, и только по звонку...
На шум и огонёк придёт соседка,
Смущённо тоже выпьет коньяку.
Понятно, что там дальше было...
А за окном ночным зима, метель
Старательно и ревностно стелила
Свою пуховую и пышную постель.
Он не ночует и постель остыла.
Букет забытый сохнет на окне.
Печально одиночество вдвойне
Той женщины, что мужу изменила...

Мела метель. И сломанная лыжа.
И ветер в кедрах, что-то дико выл,
А он всё шёл и шёл и выстрелов не слышал
И с милой непрерывно говорил.
Он брёл походкой медленной и шаткой,
А ветер выл – Скорей иди! Скорей!
А он мечтал ей подарить на шапку
И воротник искристых соболей.
И он дошёл. Или напарник вывел.
И печь гудела, им даря тепло.
И только белой-белой, словно иней,
Седой волною кудри обнесло.

Пришла пора. И пройдены дороги –
Домой идти, конечно, веселей.
Вот он застыл у дома на пороге
Со связкою искристых соболей.
Обнял жену.

Красивый, статный, сильный,
С колючей кучерявой бородой.
И только иней! Только белый иней
Не таял в волосах – он был седой!

Блаженно нежась в ванне, напевая,
На тесной вечеринке «для двоих»
Мы часто про любимых забываем,
О близких половиночках своих.
Ревнивые сторонники морали,
Жён заставляя клясться на крови,
Мы сколько раз узнали и украли
Запретный плод ворованной любви?
Я не судья. Вы можете – судите!
Набравши аргументов, как камней.
Но для неё, как аргумент, учтите –
Его седины всё равно сильнее!
Уж много лет я знаю эту пару.
Она, по-прежнему кокетлива, мила.
А у него среди кудрей, на рыжем жаре
Лежит седин печальная зола.

ВСЕМ ДОБРОГО УТРА

Всем доброго утра, удачного дня!
Найдёте удачу – зовите меня.
Ведь каждый,
Кому повстречалась удача,
Обязан делиться.

А как же иначе!

Хотя...

Вот если бы мне она повстречалась,
То я б захотел, чтоб она не кончалась.
А если удачей начну я делиться?
То очень недолго удача продлится.

С другой стороны –
Неудачники злые
Нашлют мне на голову козни такие,
Что снова настанут обычные дни.
А значит – не хочешь, а всё же верни!

Пускай у других по чуть-чуть будет длиться.
Зато отпадает желание злиться.
Делись!
Только в старости чтоб не орал:
Попалась удача, но я пролежал!

ОДИНОЧЕСТВО

Снегом всё замыло долгою зимой.
Вроде всё как было, только не со мной,
Вроде всё как прежде, кроме одного –
В голове два слова:
«Нет его».
Бьётся одиночество жилкой на виске,
Отсидеться хочется в уголке.
Не реветь белугою у ворот.

«Я не верю! Знаете, он придёт»!
Метрономом в комнате сердца стук.
Каждый запах помню я, каждый звук,
Как курил задумчиво, как он пел,
Над стихами робкими, как сопел.
Завитком над ухом прядь волос...
Отчего всё рухнуло?
Взорвалось?
На столе обещанный стынет чай.
Может чем обидела невзначай?
Пустота, как в пропасти.
Ночь без сна.
Да за что мне, Господи?!
Где вина?!
Шифоньер с одеждою.
Шторы шёлк.
Вроде всё как прежде, но...
Он ушёл!
На дороге зимней стынет гололёд.
Он ушёл.
Не жди его.
Не придёт.
Одинокой лампочки ровный свет.
– Что ты плачешь, мамочка?
– Его нет!

РАЗВРАТ

Разврат?
Да разве ж то разврат?!
Пустяк. Интрижка.
Среди запретов и преград
Лишь передышка.
Среди унылых серых дней
Улыбка форта.
Уступка слабости своей
И миг азарта...
И хлопотливая возня
С плохой застёжкой.
И влажным комом простыня
Под пухлой ножкой.
Дыханья быстрого разбег.
И вниз с обрыва,
И водопады сладких нег
Без перерыва.
Всё сразу смыть с себя, скорей
Протопав в ванну.
И проводины до дверей
С улыбкой странной...
Разврат?
Да разве ж то разврат?!
Вся жизнь не в радость.
Среди постытины хоть раз,
Отведать сладость!
Бездумно вверх взлететь,
Небес касаясь...
А дальше можно потерпеть.
И не покаюсь!

РЫЖЕЕ СЧАСТЬЕ

Как без тебя мне жутко!
Как мне от взгляда жарко!
Рыжая, в общем-то, сучка,
А прикипела, как сварка.
Я без тебя не сдохну,
Я без тебя прожил бы,
Только боюсь – засохну
В этом болоте жизни.
Ты для меня наказание,
Как нагадала цыганка.
Ты моя жизнь и дыханье,
Ты моя бурная пьянка!
Я больше в слухи не верю.
– С кем ты вчера улыбалась?
Ты моя жизнь и потеря!
Ты моя горькая жалость!
Вроде ничем не рискую,
Но, вновь сгорая от страсти,
Самозабвенно ревную,
И задыхаюсь от счастья.
Снова, болтлив до упора,
Снова слыву самым мрачным.
Ты моя жизнь и опора.
Ты моя горечь и счастье...
Ангел мне бросил фразу,
Жизнью моей играя,
Что для влюблённых сразу
Пропуск в ворота рая.
Их не бывает умных.
Бог их родил для страсти.

Но для чего, почему мне?
Рыжее это счастье?

ЯЗЫЧНИКИ

Что ты смотришь в очаг,
Коли жара совсем не осталось?
Средь измен и развалин нет места огню.
Нет любви.
Есть привычка и просто усталость.
И зола в очаге, что как память храню.

Мы – язычники.
Быстро костры разгорались.
Мы молились, и с жаром, и с треском летели года.
Где огонь этот яркий?
И с чем же теперь мы остались!?
С равнодушной привычкой и, видно, теперь навсегда.

Только ветер доносит забытые запахи дыма.
То в чужом очаге ярко вспыхнула чья-то судьба.
Наши годы проносятся мимо, и мимо, и мимо.
Не на той мы дороге...
И нет верстового столба.

РЕЛИГИЯ

Ты – моя религия,
Прочие веры стары.
Выбросил прошлые книги я
В тартарары.
Тусклые фотографии
Спрятаны за комод.
Новая биография
В доме моём живёт.
В спину шипят
– Наплачешься!
Бывшие кавалеры.
Дом превратился в капище.
Ты – моя вера.
Сам уже как юродивый.
Прошлое –
Как вериги.
Ты – моя родина!
Ты – моя религия!
Когда лежишь как книга,
Открыв листки,
Романы прошлые, блицкриги –
Всё пустяки.
Всё суета и междометья –
Дела, карьера.
Есть только ты!
Всё – дело третье!
Вот моя вера!
Пуškai планетные парады,
Всё оставляю на «потом».
Сиюминутно!

Вечно!
Рядом!
Вся вера в том!
Весь мир смешной и суетной:
Герои, битвы –
Ничтожен
Супротив ночной
Моей молитвы!
А обыватель жжёт костры
И пахнет серою.
Все моя жизнь в тартарары,
А я всё верую!..

Глава четвертая:

ДАЖЕ НЕ СОБАКА,
У МЕНЯ ОН – ДРУГ...

ЧИЖИК

В доме шум и грохот,
Топот и потеха,
Убегает кошка
В страхе со всех ног.
К нам с утра сегодня
На такси приехал
Шустрый и весёлый,
Маленький щенок.
Взят не для салона
И не для престижа,
Ходит в серой шубке,
Мокрый чёрный нос,
Преданный, игривый,
Верный добрый Чижик –
Северная лайка,
Для охоты пёс.
У кого-то серый,
У кого-то рыжий.
Храбрый иль не очень,
Лёгкий на испуг.

У меня другой он.
У меня он – Чижик.
Даже не собака,
У меня он – Друг.
Он не смотрит фильмы,
Не читает книжек,
У него в два раза
Больше быстрых ног.
Он со мной гуляет
Мой любимый Чижик,
Верная собака,
Серенький щенок.
Он взрослеет быстро.
Я надену лыжи,
На плечо закину
Чёрное ружьё
И тропой таёжной
Двинем –
Я и Чижик.
Мы теперь надолго
Вместе и вдвоём.
Там, где густо кедры,
Где стеной кустарник
Он найдёт мне зверя
И залает вдруг.
Будущий помощник,
Будущий напарник,
Но уже сегодня
Мой щенок.
Мой Друг.

ТУМАН

Туман, мой верный пёс
Не хлюпик, не зазнайка,
Холодный чёрный нос
И хвостик калачом.
Увидит кто его и скажет
– Это лайка!
А я добавлю им:
– Сибирская, при том.
Туман, мой верный пёс,
Задира и повеса,
Собачий сибарит,
Дворовый Дон Жуан.
Ах, как себя он нёс,
Придя домой из леса,
Как будь-то не кобель,
А сучий капитан!
Он караулил сук
В жару и непогоду
Виляя, от любви
Закрученным хвостом.
Он выводил свою
«Туманную» породу.
Ушастый кавалер,
Лохматый охламон.
Туман, мой верный друг,
Король людских помоек
Не верил никому
И не скучал ни дня!
Но если был он бит,
То был и твёрд, и стоек,

А помощь принимал
Он только от меня.
Туман, мой верный пёс,
Маг бытового стресса.
Казалось, для него
И наказаний нет.
Но если попадал
Он под покровы леса,
Вот там он был и царь,
И пахарь, и поэт!
Мы вместе с ним тогда
Охоте научились.
А он всё сразу сам
На пять, а не на три!
Всё чаще к нам в рюкзак
Добычею ложились
К пушистым соболям
Седые глухари.
Всегда легко решал,
В следах найдя проблему.
Казалось, для него
Ни в чём секретов нет.
Не лаял, а писал
Таёжную поэму.
Мохнатый верный друг!
И пахарь, и поэт!
Туман, мой верный пёс,
Состарился, бродяга.
Давно уже «не тот»,
Старался в меру сил.
Ещё он крепок был
И бодр,

Не доходягой
Уехал «на Юга»
Раз друг его просил.
Собачья жизнь, увы
Не может долго длиться.
Охот не долог век...
Как лист календаря
Сгорает зимний день
И добыта куница,
И тяжесть на плечах
Седого глухаря.
А, вечером, Туман,
Устав от передраги,
Допущен в сени был –
Приятель пожалел.
Прилёт возле пустой
Поношенной поняги
Уставший старый пёс.
Прилёт и околел.
Он прожил свою жизнь,
Как яркая комета,
Что призвана светить
В кромешной темноте...
Вращается одна
Озябшая планета –
Мир без него не тот.
И мы уже не те.

ЛАЙКУ ПРОДАВАЛИ

По весне, на рынке, на развале,
Сидя на заплёванной траве,
Торговали лайку, продавали
Благородных северных кровей.
К ней тянулись пьяненькие руки.
Подходили праздно, между делом.
На куске изорванной дерюги
В ожидании судьбы она сидела.
Музыки шальной чужие звуки,
Толкотня базарного развала
И глаза! –
Уставшей верной суки,
Той, что никогда не предавала.
Мужичок шумел, как балалайка,
Нервничал, спешил глотая звуки.
– Да ты что! Она? Конечно лайка.
Не найдёшь в районе лучше суки.
Что работает?
Да смолоду копыта...
Голосок торжественно звенит:
– Это, понимаешь, класс элита!
А она элита из элит!..
Складывал в рюкзак уже медведя,
Восхваляя лаячью отвагу,
Призывал в свидетелей соседей,
Тыча в нос особую бумагу.
– Что ты понимаешь-то в охоте?
Да она мне ближе и роднее...
Много лет я жил в раю за нею...
Лучше нет её в такой работе...

– Эх, мужик!
Ты что дошёл до края,
Потянуло в негу и уют?
Разве продают подобных лаек?
А друзей
За деньги
Продают?
Он твердил, что жизнь такая сучья.
Сука старая, а деньги мне нужнее.
– Отходи скорей, меня не мучай.
Лучше заплати, и вместе с нею...
На толкучке, в рыночном развале,
Где гулял я – праздный ротозей
Продавали лайку,
Предавали,
Как обычно,
Преданных друзей!
Две фигуры в сумерках вечерних
В ожиданье неминуемой разлуки –
Сука, лайка, с сердцем человека.
И хозяин
С чёрным сердцем суки!

ЧУЙ

Рождение

Появившись на свет,
Он тихонько лежал подле суки.
Она съела послед и лизала его языком.
Так запомнил он мать
И хозяйские крепкие руки.
Он впитал это разом
С молозивом и молоком.
Он усвоил – есть дом,
А за ним целый мир без окраин.
Ему нравилось всё
И хотелось со всеми дружить.
Есть ещё человек – Божество и Хозяин.
Подобает ему подчиняться и верно служить.
Научился он ждать,
Ждать Хозяина с пайкой и с палкой,
Ждать везде и всегда, на снегу, под дождём –
Для Хозяина жизни не жалко.
Это смысл, это суть для чего и живём.
Время шло, он уже различал не размытые лики,
Но ещё не делил на своих и врагов.
Наступила пора окончания щенячьих каникул
И раздачи зверовых подросших щенков,
Что родились на свет
Не для праздности, неги и лени,
Не для жизни диванной и жизни пустой, без забот.
В них хмельная закваска
Первобытных лихих поколений
И кровавое месиво древних зверовых охот...

Наступила пора!
Подросли щенячьи смотрины.
Приглашён был Великий
Хозяину выбор вершить.
У калитки курили седые мужчины,
Не желая решать опрометчиво или спешить.
Поднимали щенков, по-хозяйски умелые руки,
Пересчитаны вибрисы, не забыт был и цвет коготков.
Проверяли «на запах», «на шубу», «на звуки».
В сотый раз теребили упитанных серых щенков.
Посмотрел и Великий
Спокойный, седой, луноликий.
И сказал, как диагноз (на зависть врачу):
– Оставляй кобеля!
После, тихо идя до калитки:
– Назови его просто и по-охотничьи – ЧУЙ!
Мужики зашептались:
– Опять что-то старый учуял.
– Всё по-нашему. Строго. А не как-то – хочу, не хочу...
И тетёшкали все черномордого серого Чуя.
Был взволнован взъерошенный маленький Чуй...

Карусель

А потом понеслась карусель
Не знакомая лишь дилетантам.
Дни за днями мелькали
Чередой непрерывных забот.
Там, где право на жизнь
Соискатель сдаёт не диктантом.
Остаётся сильнейший,
Лентяй и дурак не живёт.

Чтобы стать вожаком,
Властелином тайги или поймы,
Чтобы ноги летели,
Как крылья легки,
Нужно страсть и чутьё,
А ещё родовую обойму –
В пасти, полной зубов
Крепче стали клыки.
Всё дала им природа
В геноме лихих поколений.
Подросла молодёжь
На просторах таёжной страны.
Страстно рвутся все в бой,
Без заминки, без страха, без лени,
Выполняя приказ,
Ну, а прочие нам не нужны.

Полёт на охоту

Этот день наступил.
Прибежал к ним гонец с новостями,
Очевидно, спешил он
И что-то кричал на бегу.
А потом вертолёт рокоча,
Лопоча лопастями,
Всю бригаду друзей
Одним махом доставил в тайгу.
Лес, казалось, оглох от собачьего лая.
Задохнувшись свободой, неслись,
Чтоб обнюхать любую карчу
Молодые задорные псы веселились, играя
Вместе с ними играл и восторженный Чуй.

Поход

В этот день он пошёл за предел
До таёжных окраин,
До безжизненных марей отдельных болот.
И шагал широко Человек и Хозяин,
Подгоняя себя и собаку вперёд.
Шли напарники, меряя даль километров.
Снег уже оглубел, и дорога была не легка.
Только резким порывом колючего зимнего ветра
Донесло свежий запах, уходящего логом быка.
Чуй и бросился вслед, позабыв про усталость.
До победы лишь шаг и не скрыться врагу.
До победы чудовищно малая-малость,
Успевай лишь хватать жёсткий снег на бегу.
То не он побежал! Это страсть впрямь него полетела,
Повинуясь ей, Чуй не лаял, а пел.
Даже в вязком снегу он собой разрывал все пределы.
Да и был ли на свете для Чуя предел!?
Вихрем мох от копыт!
Покатилась потеха!
Звонкий лай. Резкий всхрап. Зашумела тайга.
Не до шалости тут, не до шуток и смеха.
Если сам ещё жив, если зверь не добыт
И тебя не поднял на рога.
Верный Чуй не читал свой собачий Устав,
Ни порядков, ни правил.
Просто знал – скоро вечер и надо спешить.
Быстро зверя догнал, закрутил и поставил.
Пусть такие глаголы кого-то и будут смешить.
День давно догорал. Шло закатное солнце пониже,
Собираясь опять, мир оставить во мгле.

А Хозяин, спеша через лог, поломал свои тонкие лыжи,
Что ему помогали ходить по заснеженной этой земле.
Нет! Не верил себе, захотелось проснуться.
Вот он зверь. Вот потеха идёт за ручьём.
Дикой болью нога заставляла обратно вернуться.
Первый раз в одиночку,
Порознь,
Не вдвоём!
Он, хромая, ушёл.
И мела выюга злая, разрывая пространство и время, и звук.
Донося лишь обрывки собачьего звонкого лая,
Где старался, работал напарник и друг.

Ожидание

Распалился эфир. «Ангара» раскалилась.
Сквозь помехи и треск об одном говорят:
– Сколько можно сидеть!?! Ну, скажите на милость?
– Мы и так тут болтаем неделю подряд.
– Восемь дней нет собаки.
– Что делать-то, братцы?
– Он давно бы пришёл.
– Сто процентов пропал.
А диспетчер шумит, заставляя собраться.
– Нет. Собаку твою точно лось затоптал.
– Ты пойми и отбрось эту глупую жалость.
– О себе бы подумал. А вдруг перелом.
– Вылетай поскорей, чтобы вкось не срасталось...
– А собака-то как?
И опять о своём...
– Заждались вертолёт. Да и дома заждались.
Столько дней на вешах, на болоте лежим.

– Эй! На Небе!

Кончай свою чёртову шалость,

Поменяй нам погодный режим!

Всё, прояснело.

Вот она ширь небосвода.

Наступивший мороз под ногами хрустел.

– Собирайся быстрее, раз уж лётная нынче погода,

Весь промхоз из тайги по домам полетел.

Хлопотливый летел вертолёт, лопоча лопастями.

Как обычно – под вечер, нещадно спеша.

Весь хрустел, как старик, своими больными костями...

И болела,

И рвалась на части душа...

Сразу сел. Не кружась. И взлетел без разбега.

Этот опытный асс по-иному не мог.

Но казалось Хозяину, что среди белого снега

Разглядел он знакомый мохнатый комок.

Больно сердце рванула колючая жалость.

– Не дождался! Не смог! Убежал!

И твердил он себе:

– Показалось тебе, опять показалось.

И здоровый мужик, как в ознобе дрожал.

– Разве друга ты бросил!? Ты спятил приятель!?

Нет здесь выхода. Лучше смирись.

– Только как с этим жить!?

Нет уж лучше б я спятил. И зачем мне теперь

Одному эта жизнь!?

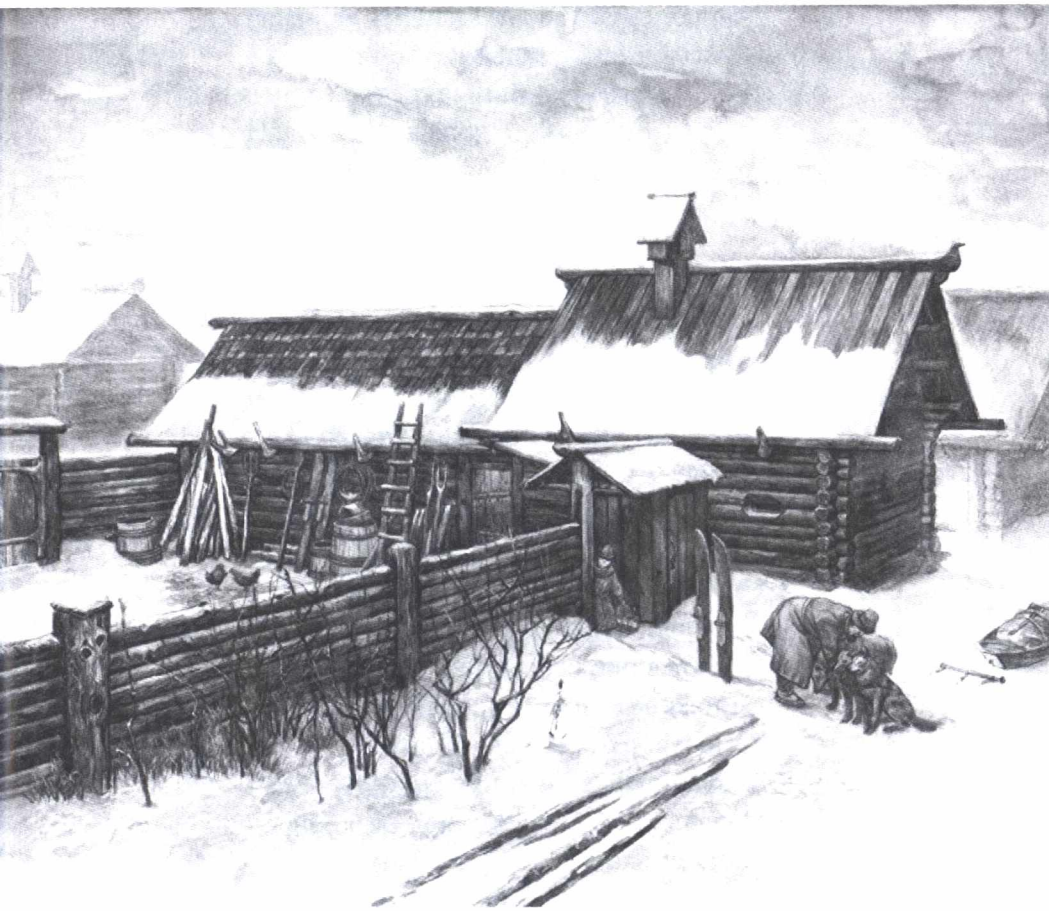

Занавес

Он уже засыпал.
Билась тонкая жилка.
Снилась мать, снились Дом и Рука.
К ним привязан он был
Основательно, прочно и пылко
И держалась та связь
Невесома, светла и легка.
Показалось –
К нему потянулись хозяйские руки,
Почесали за ухом и в шерсти катух расплели...
Иногда, сквозь туман
Доносились таёжные звуки.
А могучая шея склонилась до самой земли.
И тогда он завыл.
Одичало завыл, обречённо!
Вспоминая Хозяина,
Силой последнею выл.
Но не слышал никто одинокого этого стога.
И Хозяин не слышал, как Чуй его звал и манил.
Может горло его в тишине, на морозе осипло.
Может он торопился и полную грудь не вдохнул.
Только не было слышно ни стога, ни хрипа,
Да и сам он затих. Обессилел? Уснул?
Он уснул. И не мучился.
Просто поверьте.
Закрутил он в мохнатый клубок иссохшее тело своё.
Ожидал он Хозяина, верно,
До смерти.
И боялось, не тронуло Чую зверьё.

А когда, через год,
Прилетел вертолёт лопоча лопастями
А оттуда на землю спешил народ боевой.
Верный Чуй их встречал
У порога
Белея костями.
Он-то выполнил долг и дождался Хозяина,
Пусть не живой...

Глава пятая:

ОКОЛДОВАННЫЕ ТИШИНОЙ...

ТИШИНА

Как сегодня ночью было тихо!
А по снегу, по окраине села
Тишина – пугливая зайчиха
По своим делам неспешно шла.
Видно мне, как в сказочной картинке,
Подлетая к светлому окну,
Падали мохнатые снежинки
Словно в омут, в нашу тишину.
Шаловливые и шумные сороки
Позабыв про ссоры и войну,
Отложив свои дела и склоки,
Замерев, готовились ко сну.
А она плыла. Раскинув руки,
Над селом, над лесом, над страной,
И от взмахов засыпали звуки,
Околдованные тишиной.
Здесь она густая – черпай кружкой,
Как в тайге, да в годы без войны,
Поселилась за моей избушкой.
Как я раньше жил без тишины?
Вам такое кажется возможным,
Что знаком я с тишиной таёжной,

Первобытной, из еловой чаши
Не искусственной, а настоящей,
Нежной, хрупкой, на ветру звенящей.
К ней привык, и в ней души не чаю.
Много раз уставший, вечером
Наливаю молча в кружку чаю,
С ней сижу. Её же угощаю
Ароматным свеженьким чайком...
Утром, суетясь и напевая,
За окно и мельком не взглянув,
Я забыл совсем – она живая!
И спугнул,
И выгнал тишину.
А она таится в уголочке
Бабушкиной тенью неземной,
На болоте, в сосняке, на кочке
Ждёт момента встретиться со мной.

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Рано проснулся,
Чем-то встревожен,
Выглянул
И осторожно шагнул за порожек.
Вдруг,
Неожиданно
Смачно и вкусно
Утро морозное треснуло с хрустом.
Щедро просыпано ночью богами.
Вот оно чудо!

Хрустит под ногами.
Шаг отдаётся хрустом капустным
Лёгким ознобом,
Азартом и грустью.
То-то мечталось вчера о хорошем.
Есть перенова – ночная пороша.
Первых следов
Протянулась цепочка.
День будет щедрый, фартовый
И точка!
Или, точнее, уже запятая –
Есть перенова, лежит и не тает.
В жизни себе никогда не простим
Если снежком поутру не хрустим.
Утро обычное.
Жизни осколок.
Снежной невинности век так недолог.
Вмиг
Полотно ослепительной шали
Смяли, сваляли
И растоптали.
Вот посредине грязного крошева
Мнёмся
И ждём,
Почему-то хорошего.
Свежего снега,
Как очищения?
Ждём.
Будто молим о всепрощении.

ИЗБУШКИ

У ручья, в повороте реки,
На далёкой таёжной опушке
Поднимали всегда мужики
Деревянное чудо – избушки.
В них особый, таёжный уют.
Хлопотливо дымя год от года,
По таёжному морю плывут
Деревянные пароходы.

Зимовейки, зимовьюшки,
Деревянные избушки
По глубинам таёжной земли.
Зимовейки, зимовьюшки
Молодые и старушки
Вы добром мне на сердце легли.

Озверевшие вьюги мели,
Обожжённые щёки горели,
Мы с тобою усталые шли
К долгожданной, единственной цели.
Но как знак и улыбка судьбы
За постигшие нас испытания –
Свет окна и дымок из трубы,
И избушки родной очертания.

Зимовейки, зимовьюшки.
Ароматный чай из кружки,
И от лампы тени по стеклу.
Пышный ворох жёлтой стружки

Для любимой остроушки –
Отдыхай, родимая, в углу.

И пускай аскетичен уют!
Но стараясь, дымя год от года,
По таёжному морю плывут
Деревянные пароходы.
Пусть плывут, но и ты не скучай,
Печь топи для тепла и уюта.
Вспоминая потом невзначай
Пароходы тайги, их каюты.

Зимовейки, зимовьюшки,
Деревянные избушки
По глубинам таёжной земли.
Зимовейки, зимовьюшки
Молодые и старушки
Вы добром мне на сердце легли.

В ЭТОЙ ОСЕНИ...

В этой осени
Места солнцу совсем не осталось.
Ветер.
Тучи.
И нудная морось с небес.
В омутах у реки
Почивает покой и усталость.
И стоит позабытый и вымокший лес.
В небесах на прощанье

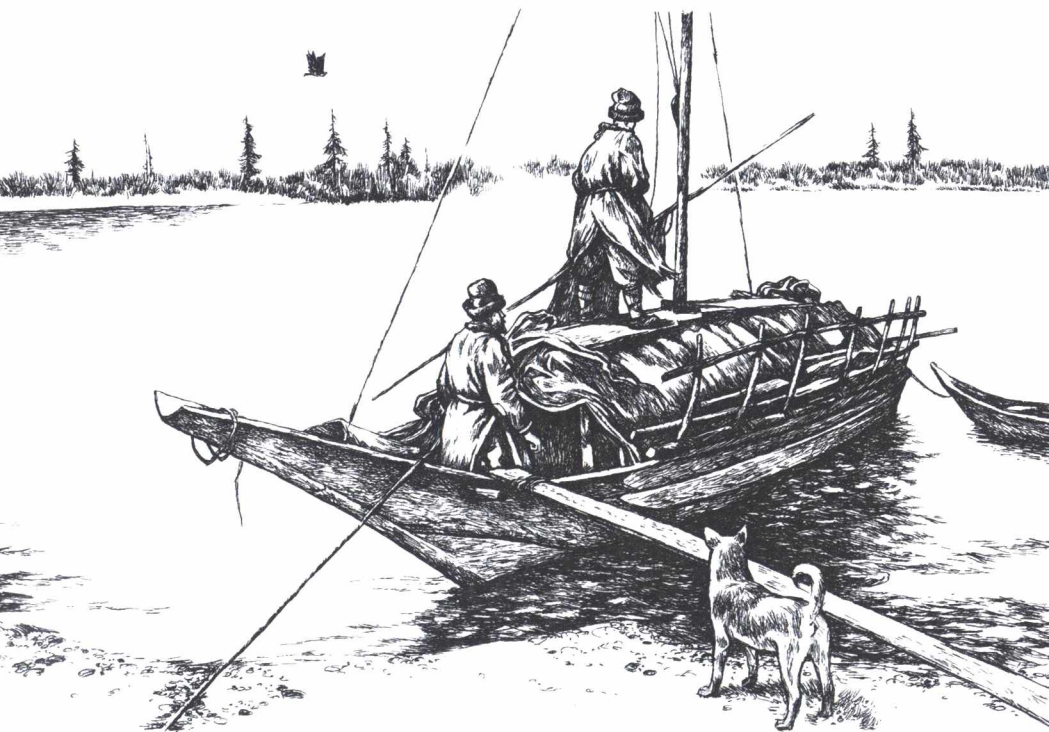

Так жалобно лебеди плачут.
И несётся над миром глухая тоска и печаль,
Что не веришь в судьбу, в свет, в везенье, в удачу.
И небесная влага течёт и течёт по щекам.
Что ж ты, братец,
Проснись!
Вон зима открывает чертоги!
Будет чист горизонт и открытая ясная даль!
Что же плачет душа,
И гудят, обессилено ноги?
Не шагнуть. Не вздохнуть.
А на сердце тоска и печаль...

Всё реже уток переплеск.
Кустов костлявые скульптуры.
Недавно ярко-лисий лес
Весь в клочьях шкуры.
Туманы томные, с утра
Густы и белы.
И даль чернеет как мездра,
Что не дозрела.
Всё чаще плачется дождём.
Хандра всё чаще.
Переболеем, переждём,
Накинув плащик.
Внезапно явится мороз,
С цепи сорвётся,
И звонким эхом дальний плёс
Вновь отзовется.

Вадим РЕЧКИН

ГРОЗА НАД ОБЬЮ

Ничто и не предвещало,
Чтоб так неожиданно «в лоб».
Вдруг треснуло небо, взорвалось
И рухнуло в сытую Обь.
И так зазвенело повсюду,
Как будто в жилище богов
Скандалили, били посуду
И гневались из-за долгов.
Так громко в верху грохотало,
Что в страхе все падали ниц
От треска, сверканья, накала
Сгорающих огненных спиц.
Так темень кромешную рвали,
Шумели вокруг – будь здоров! –
В запале, в небесном скандале,
Небес полотно пропоров.
А следом потоки тугие
Обиженных, горестных слёз
Лились на просторы обские,
На рощи пугливых берёз.
Неведомый
Плакал бессильно.
Другой
Удалялся ворча.
Рассорились Боги.
Стихия
Стихала, утробно урча...
Жил вечер прекрасен и чуден
Причёсан, напоен стократ.
А Боги!?

Устали, как люди.
Притихли, умаялись, спят.
На речке, испуганный бакен
Мигал нам, как Божья свеча...
А всё-таки жаль
Тех, кто плакал,
Обиженный сгоряча.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний дождь – седой поэт,
Колючий и неловкий,
Шагал он с тучей на обед
К куме или золовке.
Сутулый и не молодой
Шуршал, не торопился
И, видно, длинной бородой
Случайно зацепился.
И льёт здесь час.
И льёт здесь два.
Ну, льешь и бога ради...
Вверху, на соснах – голова,
А борода – в ограде.
Да. Презабавное кино –
Бывают неудачи.
Смотрю сквозь мокрое окно,
А он ведь, братцы, плачет.
И я сказал ему: «Не плачь!
Мне за тебя неловко».
Взял сапоги. Накинул плащ

И прихватил литовку...
Косою плавно проводя,
Осмысленно и резко,
Все космы белые дождя
Я от кустов отрезал.
Усталый на скамейку сел,
Дождь примостился рядом
И долго-долго в даль глядел
Тоскливым влажным взглядом.
Мы говорили с ним без слов –
Не думайте, что спятил,
Но утверждать с тех пор готов,
Что дождь мне стал приятель.
Когда осенний птичий клин
В небесной хмари мчится,
Мой дождь,
Мой мокрый пилигрим,
В окошко постучится.
Я брошу всё. Я выхожу.
Поскольку встречи редки.
И долго молча с ним сижу
В своём саду, в беседке.
В конце он долгого пути,
А я ещё в начале...
А вы, когда последний раз
Вдвоём с дождём молчали?

Весна,
А вербы свой пушок надули,
Вчера ещё метель,
Сегодня капли лупят словно пули
И прямо в цель.
Нет, рано.
Здесь пока
Летят тугие облака,
Им места мало между мной и небом,
Набитым прошлогодним снегом.
Ещё пуржит, ещё морозит.
Метели на прощание елозят
И лижут белым языком.
Земля завёрнутая в кокон
Пушистый, белый.
Ужасно мёрзнуть надоело
Лицу, рукам и целиком,
А хочется ходить легко,
Вальяжно и осоловело...
Но чёрт возьми!
Какая жалость –
Мне оттепель весной казалась.

Туман в петляющем логу,
Неясная стена кедровой гривы.
Опешили, застыли на бегу
Кусты пугливой нежной ивы.
Избушка на излучине реки

Не пахнет дымом,
Словно не жилая.
Всё стихло,
Как по мановению руки –
Ни голоса, ни топота, ни лая.
Ещё не время.
Кедры видят сны.
Глухарь рисует
Яростно и пылко.
А у корней разлапистой сосны
Родник пульсирует, как жилка.
Я закурил.
Звенела тишина,
Был слышен треск набухшей почки,
Будила мир таёжная весна,
Слегка скрипела старая сосна,
И захмелевший, словно от вина
Далёкий дятел слал свои тире и точки.

УСТАЛЫЕ ЗВЁЗДЫ

Ночь была глубока и морозна.
Тишина.
Я на улицу вышел.
И увидел усталые звёзды,
Что сидели в снегу на крыше.
Разномастные. Не по ранжиру.
Эта яркая. Те еле-еле
Светят мягко, как еле живы
Словно нету огня в их теле.

Тихо-тихо сидят блистают.
Утомились, я понял, сели
Потому что они устали.
Это я там – в тепле, в постели.
А они, как могли, светили
И с высот небесных сияли,
А они загорались, жили.
Снег, тайга и мороз – детали.
Мы – на время.
Совсем не вечны.
А они навсегда. Постоянно.
Постоянен и путь их млечный,
И приход в темноте желанный.
Ведь кому-то они путеводные
Над таёжной ночной дорогой...
Вот сидят усталые звёзды,
Хоть бери и рукою трогай.
А сияют не по ранжиру
Божьим светом – кто белым, кто рыжим.
Живы звёзды своею жизнью.
Ну и мы, слава Богу, живы.
Кто-то добр и умён, кто грешен.
Кто-то тянет судьбу за жилы.
А над нами, над всеми, неспешно
Звёзды свой хоровод закужили.
Вышел жар из избушки быстро.
Ух мороз! До костей пробирает!..
И вспорхнули все в небо,
Как искры,
И, холодные, догорают.

Содержание

И. Кириллов. О слове таёжника...	3
Глава первая:	
Только живо всё во мне...	
Как приходят стихи	8
Тротуар ханты-мансийска	10
Дедушка	11
Хромосома	13
Это не садист с утра глумится...	14
Новогодняя поездка	15
Спорщики	23
Праздничное	24
Глава вторая:	
Завтра – новые дороги и иные письма...	
Дорожная	28
Неизменные привычки	29
Ворчу	30
Избушка	32
Мечты	34
Если мне нужна вода	35
Таёжные танцы	37
Склероз	39
Чем пахнут в тайге	40
Волшебство	42
Осень	43
Глава третья:	
В параллельности линий и улиц...	
Утро	46
Лето	47
Геометрия	48
Коллеге	49

Одноклассникам	49
Приходит гость...	50
Всем доброго утра	52
Одиночество	54
Разврат	56
Рыжее счастье	57
Язычники	58
Религия	59

Глава четвертая:

Даже не собака, у меня он – Друг...

Чижик	62
Туман	64
Лайку продавали	68

Чуй

Рождение	70
Карусель	72
Полёт на охоту	73
Поход	74
Ожидание	75
Занавес	77

Глава пятая:

Околдованные тишиной...

Тишина	80
Ночной снегопад	81
Избушки	83
В этой осени...	84
Всё реже уток переплеск...	85
Гроза над обью	87
Осенний дождь	88
Весна, а вербы свой пушок надули...	90
Туман в петляющем логоу...	90
Усталые звёзды	91

Вадим Дмитриевич Речкин

Вторая попытка

стихотворения

редактор-составитель

Т. В. Юргенсон

художник

А. С. Кухтерин

Вёрстка, дизайн

Т. В. Юргенсон

Подписано в печать 12.12.2024.

Формат 60x90¹/₁₆. Усл. печ. л. 6,0.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 799.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в АО «ИПП «Уральский рабочий»

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: urra@uralprint.ru

РЕЧКИН Вадим Дмитриевич – родился 16 июня 1959 года в городе Ханты-Мансийске.

С 1969 года проживает в городе Нефтеюганске и Нефтеюганском районе, посёлке Сингапай.

Окончил школу в 1976 году.

С 1978 по 1981 годы служил в рядах Военно-Морского флота.

Работал в Ассоциации Росохотрыболовсоюз в качестве Председателя Правления Совета Нефтеюганского районного общества охотников и рыболовов, в других общественных организациях, промысловым охотником. Эксперт-кинолог Всероссийской категории.

Окончил Тюменскую Государственную сельскохозяйственную академию по специальности «зооинженер».

Член Нефтеюганского литературного объединения «Озарение».

Автор сборника стихов «Пороша» (2020 г.)

Печатался также в литературных сборниках «Голоса друзей» (2010 г.), «На берегах Оби широкой» (2020 г.)